

ИСТОРИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ
О
ЖИЗНИ СВЯТЫХ

Часть III

К 1.253 268

Издание церкви Покрова
Богоматери на Козлене
г. Вологда
1994

ВЕК XVI

ПРЕПОДОБНЫЕ: ИННОКЕНТИЙ КОМЕЛЬСКИЙ, ИГНАТИЙ ПРИЛУЦКИЙ И БРАТ ЕГО КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ УГЛИЧСКИЙ, ПРЕПОДОБНЫЙ КОРНИЛИЙ КОМЕЛЬСКИЙ И УЧЕНИКИ ЕГО КАССИАН И ЛАВРЕНТИЙ КОМЕЛЬСКИЕ, ПРЕПОДОБНЫЕ СТЕФАН КОМЕЛЬСКИЙ (ОЗЕРСКИЙ), АРСЕНИЙ КОМЕЛЬСКИЙ, ЛОГГИН КОРЯЖЕМСКИЙ, СИМОН СОЙГИНСКИЙ, ХРИСТОФОР КОРЯЖЕМСКИЙ, АНТОНИЙ, ЕПИСКОП ВОЛОГОДСКИЙ И ВЕЛИКОПЕРМСКИЙ, ПРЕПОДОБНЫЕ ФЕОДОСИЙ ТОТЕМСКИЙ, АГАПИТ МАРКУШЕВСКИЙ, ПРАВЕДНЫЙ ПРОКОПИЙ УСЬЯНСКИЙ, ПРЕПОДОБНЫЕ СЕРГИЙ МАЛОПИНЕЖСКИЙ И ОНУФРИЙ КАТРОМСКИЙ.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИННОКЕНТИЙ КОМЕЛЬСКИЙ

Каким чудным, истинно благословенным местом был Комельский лес, простиравшийся во всю южную полосу страны Вологодской и рассекаемый пустынным течением Нурмы, Комелы и множеством других, впадающих в них безвестных речек и ручьев. Эта сплошная масса вековых деревьев, тянувшаяся во все стороны на несколько десятков верст, своими непроходимыми чащами и болотами привлекала к себе людей, приходивших сюда издалека, чтобы найти в уединении путь к небу.

К пустынной тишине Комельского леса под сенью сплошных елей и сосен они ставили свои кущи и кельи, сделавшиеся потом духовными твердынями. Подвижники сначала селились только по окраинам леса, но потом проникли и в самую дикую глушь пустыни, наполнив ее иноческими обителями.

Первый проложил дорогу в Комельский лес преподобный Дмитрий Прилуцкий, поселившийся было с учеником своим Пахомием на реке Леже. Потом, в начале XV века, на южной окраине леса на берегу реки Нурмы являются обители учеников Сергия Радонежского—Сергия Нуромского и Павла Обнорского. Южнее их немного ранее возникла обитель преподобного Сильвестра Обнорского, тоже ученика Сергиева. Несколько позднее их в самой середине Комельского леса заводит общежитие друг и собеседник Нила Сорского преподобный Иннокентий Комельский, а Авраамий и Коприй—на Печенге. Преподобный Корнилий поселяется в разбойничьем вертепе, старцы Онуфрий и Авксентий устрояют пустыню в Перцеве. Наконец, преподобные Стефан Озерский и Арсений Комельский заключают собой многочисленный лик подвижников, просиявших в Комельском саду.

Преподобный Иннокентий был сыном боярина Охлябина и родственником князей Хворостинных. Он принял монашество в монастыре преподобного Кирилла Белозерского, но где и когда родился, каких лет был пострижен и что побудило его принять иночество,—неизвестно.

Хотя в то время в монастырях мало обращали внимания на

мирское звание и происхождение постригасмых, на этот раз случилось так, что новопостриженный боярский сын был поручен руководству и наставлению инока так же благородного происхождения — Нилу Майкову, образованнейшему человеку своего времени и самому строгому подвижнику, желавшему довести современное ему иночество до высоты жизни и совершенства подвижников Египта и Палестины. Под руководством такого наставника ученик скоро приобрел навык в иноческой жизни, а своим старанием во всем подражать преподобному Нилу он снискал себе его любовь и доверенность. Он настолько привязался к своему наставнику, что не захотел расстаться с ним даже тогда, когда преподобный Нил оставил монастырь и отправился в далекое и трудное странствие на Восток для практического изучения тамошней иноческой жизни.

После нескольких лет пребывания на Афоне, в странах царградских и других местах, они возвратились на Белоозеро. Скучая многолюдством Кирилловой обители и видя нарушение порядка, заведенного в ней преподобным Кириллом, Нил недолго оставался здесь и поселился со своим спутником в уединенной келье за монастырской оградой. Однако любовь к пустынножительству слишком глубоко запала в душу преподобного Нила, и он скоро оставил келью и ушел со своим учеником в непроходимый лес на речку Сорку за 15 верст от монастыря.

Он водрузил здесь крест, поставил себе малую келью и выкопал близ нее колодец. Вдалеке от него поставил себе келью и Иннокентий, а впоследствии и другие отшельники.

Дико, мрачно и пустынно было место, избранное преподобным Нилом для своего скита: течение реки Сорки, более похожей на болото, чем на реку, едва заметно, вся местность скита — низменная и болотистая. Поэтому, когда впоследствии стали строить церковь, то надо было под ее основание сделать насыпь. Трудники наносили земли целый холм. Отшельники молились и трудились каждый в своей келье и только по субботам, воскресеньям и праздникам собирались в храме. В субботу ходили в братскую усыпальницу совершать панихиду но усопшим.

Преподобный Иннокентий много лет подвизался в Сорском скиту, строго следовал наставлениям и примеру своего учителя и восходил от силы в силу в жизни духовной. Преподобный Нил, видя, что его ученик созрел для того, чтобы быть наставником других, сказал Иннокентию: «Иди на Шурму: Бог тя имать прославить тамо и твоя обитель будет обща, а моя пустыня будет как при животе моем, такожде и по смерти моей и братия по единому имуть жити в кельях своих».

Преподобный Иннокентий вышел из скита и направил путь свой к пределам вологодским. Достигнув Комельского леса, он

проник в самую глушь его и поставил себе келью на речке Еде в 10 верстах от Нурмы. Это было в 1491 году, когда на южной оконечности леса находились уже три обители.

Мало-помалу один за другим стали приходить к нему лица, желавшие разделить с ним пустынные труды. Преподобный принимал их с любовью. Когда число приходящих стало умножаться, преподобный Иннокентий построил церковь во имя ангела пустыни святого Иоанна Крестителя и завел самое строгое общежитие. Он собственной жизнью подавал пример братии и как знаток отеческих писаний любил назидать братию преимущественно их богомудрыми изречениями.

Тридцать лет преподобный Иннокентий подвизался в устроении общежития на Еде. Предчувствуя близость своей кончины, преподобный оставил в своем духовном завещании письменное наставление братии, чтобы оно могло служить им руководством и после его смерти.

Блаженная кончина преподобного Иннокентия последовала 19 марта 1521 года.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИГНАТИЙ ПРИЛУЦКИЙ И БРАТ ЕГО ДИМИТРИЙ

Много веков в России до смерти великого князя княженье его переходило к старшему в роде: наследовал брат после брата и племянник после дяди. Такой порядок престолонаследия был причиной частых смут и кровопролитий между удельными князьями, домогавшимися великокняжеского престола, а смуты и кровопролития изнурили и ослабили Россию и предали ее в руки татар.

Видя это, князья Московские, старались переменить древний обычай и, овладев великокняжеским престолом, стали вводить новый порядок престолонаследия по прямой нисходящей линии от отца к сыну, а чтобы удобнее было установить единодержавие, стали, с другой стороны, ограничивать власть удельных князей, с другой же, сокращать число самих уделов, присоединяя их под тем или иным предлогом к великому княжеству. В результате Россия сплывалась и укреплялась с каждым годом, Москва росла и делалась истинно царствующим градом, самые татары становились менее страшны.

Но удельные князья, привыкшие считать себя самовластными и равными великому князю, неохотно мирились с новым порядком вещей и всячески старались отстоять прежние свои права, для чего нередко затевали ссоры и междуусобия с великим князем и входили в сношение с его врагами. Более всех привелось потерпеть от них великому князю Василию Васильевичу Темному, которого удельные князья, близкие к нему по крови, лишили было не только престола, но даже и зрения. Но такова была сила многовекового обычая, что сам Василий Васильевич, благословив великим княжением старшего сына своего Ивана III, несмотря на собственный горький опыт, четырем братьям его в своей духовной назначил по-прежнему уделы.

Третий из сыновей Василия Темного Андрей Васильевич Большой, удельный князь Угличский, был любимцем своей матери инокини Марфы. Достигнув совершенного возраста, он в 1470 году

вступил в брак с Еленой, дочерью Мезецкого князя Романа, и в 13 лет супружества с ней прижил двух сыновей и двух дочерей.

Старший сын его Иван, родившийся и крещенный в Великих Луках около 1477 года, с самого младенчества своего высказывал необыкновенную сдержанность, несвойственную детям его возраста. Мать его, княгиня Елена Романовна, скончалась 2 апреля 1483 года, а через год после нее и бабка его, великая княгиня инокиня Марфа, особенно покровительствовавшая его родителю и удерживавшая великого князя от строгих мер против братьев.

Великий князь был весьма недоволен своими братьями по следующей причине. Андрей Большой и Борис, обиженные с одной стороны тем, что Иван III присоединил к своему великому княжеству уделы двух братьев, Юрия и Андрея Меньшого, умерших бездетными, и не дал им части из этих уделов, а с другой тем, что новый порядок престолонаследия навсегда лишал их надежды получить когда-либо великое княжение, по внушению своих приближенных, нередко входили в сношения с врагами великого князя, держали их сторону и принимали к себе недовольных великим князем или провинившихся перед ним.

Пораженный потерей любимой матери и как бы предчувствуя свою горькую участь, юный князь Иван еще более предался чтению божественных книг, стал присутствовать при всех церковных службах, а ночи проводить в молитве. Высшим наслаждением для него были беседы с людьми благочестивыми, любимым занятием—благотворение и милостыня. Воздержанный в пище и питье, он одевался скромно и просто—насколько позволяло ему эту простоту его высокое звание.

Когда не стало покровительницы—матери, князь Андрей Васильевич по-прежнему не старался ближе сойтись с великим князем и приобрести его любовь и доверенность, вследствие чего старший брат продолжал оставаться им недовольным, хотя явного разрыва между ними еще не было и младший брат нередко бывал в гостях у старшего.

Так как Андрей Васильевич немало времени гостил в Москве, в 1490 году, приехав из Углича, он 19 сентября был принят великим князем весьма ласково. Они казались совершенными друзьями, беседовали искренне и весело, и князь Андрей целый вечер провел во дворце. На другой день великий князь позвал брата к себе на обед, и когда тот прибыл, провел в комнату, где посидел с ним и, немного поговорив, вышел в другую. В этот момент князь Андрей и его бояре были взяты под стражу.

Андрея свели на казенный двор, оковали цепями и приставили стражу из многих князей и бояр. В то же время послали в Углич схватить его сыновей Ивана и Димитрия, которых также

заковали в цепи, свели в Переяславль и посадили в темницу. Дочерей князя Андрея не тронули и оставили в Угличе на свободе, хотя удел и присоединили к великому княжению. Это показывает, что не вражда и злоба против Андрея заставили Ивана III принять такие крутые меры и так жестоко поступить со своими родными, а необходимость и польза государственная.

Сам Иван III так объяснил свой поступок митрополиту, который пришел к нему ходатайствовать за князя Андрея. «Жаль мне брата, и очень я не хочу погубить его и на себя наложить упрск; но освободить его не могу, потому что не раз он замышлял на меня зло, погом каялся, а теперь опять начал замышлять и моих людей к себе притягивать. Да это бы еще ничего, но когда я умру, то он будет искать великого княжения под внуком моим и, если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут русскую землю губить, жечь и пленить и дань опять наложат и кровь христианская опять литься будет как прежде, и все труды мои останутся напрасны, и вы будете рабы татар».

Так как Переяславль находился недалеко от Москвы и на самой дороге из нее к Угличу—месту княжения Андрея, а все это могло напомнить народу об узниках и возбуждать в нем сожаление к ним, чего великий князь, конечно, не желал, то детей князя Андрея скоро перевезли на Белоозеро, а сам Андрей скончался в Москве в 1493 году.

По смерти родителя юных князей перевели в Вологду. Здесь их держали в тяжелых оковах и в самом тесном заключении. Все их имущество состояло из одной иконы Божией Матери всех скорбящих радости — наследства и благословения от их родителя.

Прошло более тридцати лет тяжкого заключения. Немало перемен произошло на свете в это время, не стало и невольного виновника их заключения. Великий собиратель земли Русской уже окончил славный свой подвиг для блага Отечества. В России царствовал брат их великий князь Василий Иванович. Наступала тридцать вторая весна их заключения. Иоанн был нездоров, с каждым днем становился все слабее и слабее и уже несколько дней не мог встать с постели. По неотступным просьбам Ивана призвали в темницу к болезненному одру его Спасо-прилуцкого монастыря игумена Мисаила, который, зная, что блаженный страдалец всю жизнь свою провел в постничестве и воздержании, в терпении и злострадании и, видя его пламенное желание, веру и крайнее изнеможение, не только не отказал ему в пострижении, но и облек его в схиму парекши Игнатием. Новый схимник несказанно обрадовался своему ангельскому образу, пролил благодарственные к Богу слезы и после причащения

Святых Таин, осенив себя крестным знаменем со словами: «Господи, в руки Твои предаю дух мой», предал страдальческий дух свой Богу. Он скончался тихо и мирно 45 лет от роду. Это было 19 мая 1522 года.

От жителей Вологды не утаилась святая и подвижническая жизнь царственного узника. При звоне колоколов, ближайших к темнице церквей и при необычайном стечении народа игумен Мисаил со всею монастырской братней и с городским духовенством с великой честью изнесли из тюрьмы тело князя-схимника и направились с ним к соборной церкви Воскресения Христова, где должно было совершиться его отпевание. По совершении в соборе Божественной литургии и после отпевания игумен Мисаил перенес тело князя-схимника в свою обитель и положил его в ногах чудотворца Димитрия под церковным алтарем.

Житие и чудеса преподобного Игнатия написаны были вскоре после его кончины в первой половине XVI века современником его монахом Лонгином, который в заключении своего сказания пишет, что он от многого в нем собрал малое, что от гроба преподобного Игнатия, как из неисчерпаемого источника, все приходящие к нему с верой получают исцеления, так что всего не можно и писанию предати.

Мощи преподобного Игнатия почивают под спудом среди Нижней церкви Прилуцкого монастыря в ногах чудотворца Димитрия с левой стороны столба, поддерживающего своды. Церковная служба князю известна по рукописям XVI века.

После блаженной кончины преподобного Игнатия судьба брата его благоверного князя Димитрия ни в чем не изменилась. Со смертью любимого брата лишившийся последнего утешения в жизни князь Димитрий не мог без ужаса представить своего положения и свыкнуться с мыслью о своем одиночестве. Падая перед иконой Божией Матери, он со слезами просил послать ему смерть для соединения с братом, но еще долго страдальцу пришлось ожидать ее!

Через пять лет по кончине преподобного Игнатия сам великий князь приехал в Вологду. Приезд его случился к празднику Рождества Христова, когда было в обычае подавать милостыню и делать некое облегчение ворами и разбойникам, находящимся в заключении, а Василий Иванович для того именно и приезжал, чтобы оказать милости.

«Лета 7037 (1528) князь великий Василий Иванович и с великою княгинею был в Вологде и в монастырях у чудотворцев: в Кириллове, на Каменном, в Глушицах, на Прилуке у Спаса, в Корнильеве и в Павлове пустыни и милостыню велию давал и потешение по монастырем и в град попом, а велел молиться

о чадородии, чтобы дал Бог отрод у него был», говорит летописец.

Бывши в Прилуках у мощей преподобного Димитрия, Василий Иванович не мог не видеть гроба нового чудотворца, своего двоюродного брата, не мог при этом не вспомнить и о князе Димитрии, томившемся в тюрьме. Однако великий князь не только не облегчил его участи, но даже не полюбопытствовал его видеть.

История не ставит в вину Ивану III заключение брата его Андрея Васильевича, князя доброго и набожного, но не твердого характера и легко поддававшегося советам других, а потому ненадежного и опасного для великого князя. Это было делом политической необходимости и государственной пользы. Но какая была необходимость для Василия Ивановича в заключении князя Димитрия, ничего не имевшего, всеми забытого и оставленного? Чем он мог быть опасен Василию?

Приезд великого князя в Вологду, возбудивший в князе Димитрии столько несбывшихся надежд, был для него хорошим уроком забыть о мире, как мир забыл о нем, и всем сердцем прилепиться к единому Господу, терпеливо перенося возложенный на него крест и от Него единого ожидал себе помощи и спасения. Урок этот не остался бесплодным для узника.

Уже по смерти Василия, в малолетстве сына его Ивана IV, боярская Дума, по настоянию тогдашнего правителя государства, доброго и просвещенного князя Ивана Федоровича Бельского, в 1540 году сняла с узника (ему было тогда более 60 лет) оковы и велела пустить его в тюрьму более света и воздуха, но и тогда не отворила ему темницы и не возвратила свободу.

Пробыв в заключении целые 50 лет, он был забыт всеми, так что и время его кончины осталось неизвестным. «А брат его (Игнатия) благоверный князь Димитрий Андреевич, после его поживе лета довольна добрым и богоугодным житием, преставися ко Господу и погребен бысть в том же монастыре при ногах брата», говорит летописец, не упоминая о времени его кончины. Кончина благоверного князя последовала около половины XVI века, а так как в начале XVII века Прилуцкий монастырь подвергся неоднократным грабежам и разорениям, во время которых все архивы и записи были сожжены и уничтожены, то и неизвестно, были ли какие чудеса и исцеления от гроба. Однако он вместе с братом своим Игнатием был помещен митрополитом Евгением в списке угодников Божиих, почивающих в Вологодской епархии, а также в историческом словаре святых, прославленных в Российской Церкви.

ПРОПОДОБНЫЙ КОРНИЛИЙ КОМЕЛЬСКИЙ

Среди многочисленного снoma святых подвижников Вологодской страны преподобный Корнилий Комельский занимает одно из первых и самых видных мест как по строгости жизни, по трудности и высоте своих подвигов, так и по тому огромному влиянию, которое он имел на современников, особенно на иноков: он воспитал множество святых учеников, бывших впоследствии основателями монастырей и распространивших в них его устав—единственный письменный памятник, дошедший до нас из трудов Вологодских чудотворцев.

Житие преподобного Корнилия написано вскоре после его кончины одним из его подвижников, хорошо знавшем великого старца и бывшем очевидным свидетелем многих его подвигов.

Преподобный Корнилий происходил из знатного рода Крюковых. Во время княжения Василия Васильевича Темного род Крюковых был одним из первых в Ростове по своему богатству и знатности. Еще в молодости он переехал к своему дяде, служившему при великокняжеском дворе, в Москву. С раннего возраста начало в нем развиваться влечение жизни созерцательной, отшельнической. Когда его дядя Лукиан оставил придворную службу и постригся в Кириллове, за ним туда же последовал и двадцатилетний Корнилий.

Принял иночество, Корнилий отказался от своей воли и всецело предал себя руководству своего наставника Геннадия, старца прозорливого и поседевшего в духовных подвигах. Пройдя все послушания и ревнуя о высоком совершенстве, Корнилий вышел из монастыря, чтобы в других обителях видеть труды и подвиги мужей, опытных в духовной жизни, и пользоваться их духовными наставлениями; подобно птице он искал себе гнезда. Побывав во всех ближайших к Кириллову монастырях и пустынях, преподобный Корнилий направился к Новгороду, славившемуся тогда множеством иноческих обителей. Из Новгорода он направился в Савватиеву пустынь, что находилась в дремучих лесах в 12 верстах от Твери. Близ этой пустыни преподобный

Корнилий обрел место, удобное для безмолвного пребывания, но недолго пробыл в нем, потому что и здесь он не нашел возжеланной тишины и безмолвия. Из-за этого преподобный снова решился бежать и искать себе другое место.

Переходя из леса в лес и ища глубочайшего уединения, он пришел, наконец, в вологодские пределы и остановился в Комельском лесу на высоком берегу реки Нурмы. Там, где с правой стороны впадает в нее речка Талица, он нашел на возвышенной покатоности в густом лесу малую хижину, построенную разбойниками, и, помолившись Богу, поселился в ней.

Хотя преподобный видел, что он зашел в опасное место и догадывался о нравах и занятиях обитателей хижины, все же решился не оставлять ее. «Не убоюсь, что сотворит мне человек?» Он начал рубить лес и очищать место около хижины, трудясь с утра до вечера, а ночи проводя в псалмопении и молитве. Это было уже при державе великого князя Ивана III в 1497 году.

Изумились разбойники, когда нашли, что их приют занят старцем, а лес около него вырублен. Чтобы заставить Корнилия удалиться, они стали всячески его притеснять и угрожать ему смертью. Но преподобный, противопоставляя их злобе и дерзости кротость и терпение, пребывал непоколебимым в своем намерении. Вскоре атаман разбойников был убит, и его шайка рассеялась, оставив старца спокойно владеть хижинной.

Мало-помалу стали приходиться к нему люди, желавшие разделять с ним пустынные труды. Пустынники молились сперва каждый в своей келье, так как определенного места для общей молитвы еще не было. Но когда число их умножилось, они стали просить Корнилия устроить церковь, считая великим ущербом и вредом для души лишение Божественной службы. Он одобрил желание братии и первый устремился на дело, начал рубить лес для построения церкви, а так как церковь требовалась для них небольшая, то общими силами она вскоре и была построена. В 1501 году, на четвертый год по прибытии преподобного Корнилия на это место, церковь освятили в честь Введения во храм Богоматери. Сам же старец Корнилий был рукоположен митрополитом Симоном во священника и определен настоятелем возникающей обители к великой радости всего пустынного братства.

Пустынная обитель Корнильева была небогата, не имела ни сел, ни угодий, ни иных удобств, по своим постройкам далеко уступала другим монастырям. Но несмотря на все это отовсюду стремились сюда люди, искавшие иноческой жизни. Число братии увеличивалось с каждым годом. Поэтому руками иноков была построена новая церковь, которая, по благословию митрополита Варлаама, также освящена была в честь Введения во храм Пресвятыя Богородицы. Освящение произошло в 1515 году, в

19 лето по прибытии преподобного Корнилия на берег Нурмы.

Затем возле здания братской трапезы был построен еще храм во имя начальника пустынной жизни преподобного Антония Великого, чтобы братия, молясь во храме, посвященном его имени, чаще приводили себе на память этот первообраз иночества и легче могли усвоить себе дух истинного пустынножителства. Кельи для братии были построены с четырех сторон, так что заменяли собой ограду и давали монастырю вид четырехугольника, в середине которого находились церкви.

Преподобный Корнилий всегда был сострадателен и милостив к нищим, но особенно любил раздавать им милостыню в храмовые праздники обители: в день Введения во храм Пресвятыя Богородицы и преподобного Антония Великого, оделяя в эти дни каждого нищего просфорой и деньгой. Случилось однажды, что в навечерие праздника Антония Великого собралось в монастырь множество нищих, знавших обыкновение старца, а подавать было нечего. Блаженный припал с молитвой к Богу, прося ходатайства Божией Матери и преподобного Антония. На рассвете следующего дня пришел посланный от великого князя Василия Ивановича и принес от него преподобному 21 рубль. Возблагодарив Бога, что Он не презрел его молитву, блаженный старец с особенной любовью роздал нищим щедрую милостыню, ради их ему посланную.

В самом блистательном виде милосердие и вера преподобного Корнилия открылись во время голода, постигшего Вологодскую страну, когда четверть ржи продавалась по рублю и более, да и за эту цену трудно было достать хлеба. Голод усилился до того, что родители бросали своих детей пред воротами монастыря, и множество народа со всех сторон устремились к преподобному, прося хлеба. Блаженный старец устроил для детей богадельню на монастырском дворе и велел их пропитывать, а голодным отворил монастырские житницы и ежедневно выдавал хлеб всем нуждающимся.

Как постриженник Кириллова монастыря и современник Никола Сорского, блаженный Корнилий не чужд был его духа и во многом усвоил себе его взгляды на монашество. И это не всем нравилось, ибо и в среде братства были люди, которые пришли в монастырь не столько для поста и молитвы, сколько для довольствия и покоя. Как основатель монастыря и игумен, он имел полное право удалить их из своей обители, но не злобливый старец решил сам удалиться в вожденное ему уединение. Он избрал 12 старших учеников и, заповедав им строго держать ся данного им устава, поручил их управлению обители.

Устроив таким образом дела в Комельской обители, преподобный Корнилий с одним только учеником своим Геннадием вы-

шел из монастыря и отправился искать себе уединенное место для подвигов. Когда они пришли в костромские леса, то старцу понравилось место на берегу Сурского озера близ реки Костромы, верст за 70 от Комельского монастыря. Они построили здесь себе келью и стали жить отшельниками в непрестанных трудах, посте и молитве. Корнилий, несмотря на свои преклонные лета, сам рубил лес и копал землю для посева хлеба.

Вскоре по удалении преподобного Корнилия в пустыню великий князь Василий Иванович по пути в Кириллов монастырь на богомолье для испрошения чадородия посетил (зимой 1529 года) Комельский монастырь и весьма удивился, не найдя в нем Корнилия. Братия со слезами просили великого князя, чтобы он принудил старца возвратиться в свою обитель. Тронутый их просьбами и слезами, государь тогда же послал к Корнилию нарочного с повелением, чтобы он возвратился в свой монастырь и ожидал его возвращения из Кириллова.

Преподобный Корнилий, возвратившись в обитель, взял с собой трех учеников и отправился с ними в Вологду навстречу великому князю. Василий Иванович рад был свиданию с великим старцем, долго беседовал с ним и просил его молить Господа и Матерь Божию, дабы даровано было ему чадородие. На обратном пути великий князь в другой раз посетил Комельскую обитель и долго убеждал преподобного не оставлять своего монастыря. Но преподобный Корнилий кротко объяснил великому князю, что его дряхлость требует покоя и безмолвия, а потому просил отпустить его в пустыню.

Государь, опасаясь огорчить старца, оставил его на волю — оставаться в монастыре или удалиться в пустыню, а для облегчения его трудов в Сурской пустыне назначил ей оброчное содержание. В монастырь же дал от себя вкладу 50 рублей и приказал теплую церковь преподобного Антония обить досками. По возвращении в Москву великий князь тотчас же послал в монастырь на имя Корнилия жалованную грамоту, которою предоставлялось получать от вологодских таможенников ежегодно на Крещение Христово по пяти рублей на рубу.

По отъезду великого князя из монастыря скоро и старец Корнилий снова удалился в свою пустыню и предался обычным трудам и молитве. Однако ни дремучие леса, ни топкие Сурские болота не доставили ему вожделенного безмолвия и уединения. И сюда один за другим стали приходить к нему люди. Они строили себе кельи близ жилища старца и стали помогать ему в пустынных трудах.

Когда собралось таким образом до шести иноков, преподобный Корнилий и здесь вознамерился построить церковь. С этой

целью он отправился с одним учеником в Москву (в 1531 г.) просить государя и митрополита о дозволении построить храм.

Василий Иванович осыпал Корнилия своими щедротами, ежедневно призывал к себе на трапезу. Но когда Корнилий стал просить дозволения построить в Сурской пустыне церковь, великий князь, вспоминая слезное моление комельской братии и данное им слово — возвратить старца в обитель решительно отказал Корнилию в его просьбе и объявил, что он должен возвратиться в свой монастырь и по-прежнему управлять братией.

Такое приказание великого князя показалось тяжким для любителя безмолвия. Неожиданный отказ поверг его в великую скорбь. Желая избавиться от управления обителью и уклониться от житейской молвы, он решился скрыться в самой Москве в доме одного христоробца. Великий князь, не видя у себя старца, приказал его искать по всему городу. Чтобы не навлечь неприятностей на хозяина дома, в котором жил, Корнилий тайно вышел из Москвы и удалился в Троицкий Сергиев монастырь.

Однако, по случаю праздника Богоявления прибывший в монастырь великий князь опять начал сильно убеждать Корнилия непременно возвратиться в свой монастырь. Старец не смел более противиться воле великого князя и принял сильное желание и настойчивость государя за указание воли Божией. Довольный его согласием, великий князь сам вызвался наделить Комельский монастырь землями и вотчинами. Но преподобный отказался и просил только, чтобы приписали к монастырю некоторые земли с лесом, находившиеся в окрестностях монастыря и уже в поте лица возделанных руками преподобного, просил для того, чтобы братия могла покойно доставать себе хлеб трудами рук своих, так как это был единственный источник содержания обители.

Приняв снова управление монастырем, преподобный Корнилий, несмотря на свои преклонные лета, предавался обычным трудам, рубил лес и возделывал землю для хлебопашества.

Достигнув глубокой старости, будучи отягчен недугами и чувствуя приближение смерти, преподобный Корнилий хотел остаток дней своих провести в затворе. Поэтому, собрав всю братию и в продолжительном поучении изобразив обязанности иноков, он велел им строго соблюдать монастырский устав, а сам удалился в Кириллов монастырь, где принял иноческое пострижение. Поскольку братия покинутого им монастыря просили его о возвращении, преподобный Корнилий согласился, но при условии, что братия изберет себе нового игумена.

В 1538 году казанские татары вторглись в пределы России и достигли окрестностей Вологды, все предавая огню и мечу. Слух о приближении врагов встревожил учеников Корнилия, они

поспешили уведомить его о приближающейся опасности и о том, что многие и мирские люди, и иноки спасаются от татар бегством. Они получили от него такой ответ: «Сотворим человеческое, бежим и мы, да не вменится нам в гордость. Если мы уцелеем, оставшись здесь, то не избежим беса тщеславия. Не добро самим вдаваться в беду, Христос всемогущий сам бежал от Ирода в Египет, да научатся и другие не вдаваться в напасти». Рассудив таким образом, он вместе с братию вышел из монастыря и уклонился в белозерские пределы на Ухтому.

Между тем татары, опустошив многие села и деревни, а также соседние Иннокентиеву пустошь и Павло-Обнорский монастырь, устремились к Корнилиеву монастырю. Но когда они подошли к нему ближе, то он показался им большим укрепленным городом, окруженным множеством войска, готового к сражению. Считая себя обманутыми, татары избили своих проводников и сами в страхе бежали. Преподобный Корнилий, услышав об этом, вместе с братию возвратился с Ухтомы в свою обитель, радуясь и благодаря Бога за чудесное ее избавление. Он снова затворился в келье, день и ночь проводя в молитве и готовясь к конечному исходу.

Вся жизнь Корнилия была одним непрерывным служением Богу и ближним, как светильник, поставленный на свещнице, он светил современникам своими добродетелями. Ему было уже более 80 лет от роду; от старости и трудов, от различных скорбей и лишений здоровье его расстроилось, силы ослабели, жизнь в нем догорала. Весной 1538 года ему стало тяжелее, и наконец горячка совершенно изнурила его и уложила в постель. Чувствуя приближение кончины, блаженный старец велел созвать к себе игумена и всю братию, которой было тогда 90 человек, и преподал им последнее наставление, заповедуя после своей смерти строго исполнять данный им устав. Блаженная кончина его последовала 19 мая 1538 года. Многотрудное тело преподобного было погребено близ церкви Введения во храм Богородицы.

Великий подвижник своим примером и наставлениями воспитал много мужей высокой духовной жизни, бывших впоследствии основателями других обителей. Так его обитель сделалась рассадником иночества. Преподобные Кассиан и Лаврентий — игумены Комельские, Кирилл Новоезерский, Иродион Илоезерский, Симон Сойгинский, Геннадий Любимский, Филипп Ирапский, Адриан Пошехонский, Даниил Шужгорский были его постриженниками и учениками.

В 1600 году 21 февраля патриарх Иов соборно установил память преподобного Корнилия праздновать повсеместно.

ПРЕПОДОБНЫЕ КАССИАН И ЛАВРЕНТИЙ, ИГУМЕНЫ КОМЕЛЬСКИЕ

В списке святых угодников Вологодских, составленных Киевским митрополитом Евгением в бытность его епископом Вологодским, находятся Кассиан и Лаврентий, игумены Комельские. Однако кроме некоторых сведений, находящихся в житии самого преподобного Корнилия, до нас не дошло никаких известий об этих учениках и преемниках преподобного Корнилия. Вероятно, это произошло от того, что современники преподобного, пораженные величием его подвигов, как бы не замечали и не обращали должного внимания на труды и подвиги его учеников.

Когда преподобный Корнилий, тяготясь управлением многолюдной обители, удалился (в 1529 году) в Костромские леса, на Сурское озеро, то управление братиею поручил 12 старшим ученикам своим. Так что более двух лет монастырем управлял игумен Кассиан, избранный братиею с благословения и согласия старца.

Игумен Кассиан старался во всем подражать преподобному Корнилию и строго исполнял его устав. Памятником его забот о благоустройстве обители служит сохранившаяся грамота великого князя Василия Ивановича, данная при нем монастырю на лес и землю.

Когда по воле великого князя преподобный Корнилий возвратился в обитель, Кассиан встретил его с радостными слезами и тотчас же отказался от игуменства, желая по-прежнему оставаться в послушании святому старцу. Когда скончался преподобный Кассиан,—неизвестно. Но надо полагать, что он упредил своего учителя и ранее его кончил свой подвиг. Имя его находится в рукописных святцах.

Преподобный Лаврентий проводил свою жизнь в трудах, посте и молитве, стараясь подражать в них своему наставнику и все более и более усовершеннаясь в иноческих подвигах. Когда преподобный Корнилий, чувствуя приближение своей кончины, удалился на место своего пострижения в Кириллов монастырь и ко-

гда братия стала просить его о возвращении в обитель, то старец потребовал избрания вместо себя нового игумена и при этом указал на Лаврентия, как на достойного себе преемника: «Ежели Лаврентий не будет у вас игуменом, то и я не возвращусь к вам».

Около года Лаврентий пользовался в управлении монастыря советами и наставлениями старца, затем, услышав о приближении к монастырю татар, он, по совету Корнилия, вывел всю братию на время в безопасные места, а по возвращении в обитель, был ближайшим свидетелем предсмертной болезни и кончины своего святого наставника. Умирая, преподобный Корнилий в утешение плакавшей братии говорил: «Ученик мой игумен Лаврентий заменит вам меня и восполнит недостатки ваши».

С великой честью и со слезами Лаврентий предал земле тело своего учителя и после кончины преподобного еще десять лет служил братии примером для подражания. Неусыпные труды и заботы Лаврентия о благоустроении монастыря, кроткий, смиренный нрав и радушие расположили к нему старца Алимпия— постриженника Корнильева монастыря и единственного монаха Коптевой пустыни, передавшего в 1547 году свою пустынь со всеми грамотами, документами, землей, лесом и строениями в пользу Комельского монастыря. Приобретение этой пустыни много способствовало обеспечению и устройству монастыря.

Блаженный труженик почил 16 мая 1548 года и погребен близ своего наставника.

ПРЕПОДОБНЫЙ СТЕФАН КОМЕЛЬСКИЙ (ОЗЕРСКОЙ)

Преподобный Стефан родился во второй половине XV века в стране Вологодской от благочестивых родителей. Отец его служил при дворе князей Бородатых—одной из многочисленных отраслей князей Ярославских, потомков святого Феодора Черного.

Однако юному Стефану была не по душе придворная жизнь, он оставил княжеский двор, родных и друзей и ушел на Глушицы, где смиренно просил настоятеля принять его в монастырь. Он был пострижен в монашество и передан опытному старцу для руководства в духовной жизни.

По прошествии нескольких лет жизни на Глушицах Стефан для большего усовершенствования своего в духовной жизни отправился странствовать по северным пустыням и монастырям. Он дошел до Тихвины и остановился здесь на жительство, радуясь тому, что ежедневно может поклоняться чудотворной иконе Божией Матери. Прожив в Тихвине некоторое время, Стефан, увлекаемый любовью к безмолвию и уединению, возвратился в родные Вологодские пределы и достиг пустынного озера Комельского, окруженного со всех сторон мхами и болотами.

Поставив себе келью на восточном берегу озера при истоке реки Комелы и соорудив небольшую часовню для двух икон, принесенных им из Тихвинского монастыря,—Божией Матери и Николая Чудотворца, он стал подвизаться в посте и молитве.

После трех лет, проведенных Стефаном одиноко в пустыне, пришли к нему два брата, изъявившие желание разделить с ним пустынные труды, потом явились еще несколько любителей безмолвия. Все они, построив себе кельи близ хижины Стефана, стали собираться на молитву в его часовню. Появились необходимость в строительстве церкви, а потому Стефан отправился в Москву к митрополиту за благословением на сие дело.

С одним из братии он пошел в дальний путь и по прибытии в Москву просил у митрополита Даниила благословения на построение храма и обители. Митрополит, давно наслышанный о высокой и подвижнической жизни Стефана, принял его с особым

благоволением и любовью, поместил в своих кельях и представил его великому князю Василию Ивановичу, расположенному к монашеству вообще и особенно уважавшему иноков обителей Вологодских, которые он почти все посетил лично в 1528 году, испрашивая у Бога наследника. После многих духовных бесед с князем и митрополитом смиренный пустынный Стефан рукоположен был в сан священства и поставлен игуменом новой обители. От митрополита вместе с грамотой на устроение храма и обители он получил и всю необходимую для того церковную утварь, а великий князь дал ему свою грамоту на земли и угодья для содержания братии.

В 1534 году к великой радости пустынников церковь была освящена во имя святителя Николая. После освящения церкви преподобный Стефан еще восемь лет подвизался в устроении обители, подавая во всем пример братии, умножавшейся с каждым годом. Скончался старец 12 июня 1542 года.

ПРЕПОДОБНЫЙ АРСЕНИЙ КОМЕЛЬСКИЙ

Среди всего светлого сонма святых мужей, подвизавшихся в Комельском лесу, преподобный Арсений был уже последним по времени, основавшим в лесу новые обители. Знаменательно, что колонизация Комельского леса как началась, так и закончилась выходцами из Сергиевой лавры.

Преподобный Арсений родился в Москве в последней половине XV века, но в каком именно году—неизвестно. По происхождению он был из рода бояр Сахарусовых. Еще в ранней молодости юный боярин принял иноческое пострижение в Сергиевой обители. Трудами и постом изнуряя тело и умерщвляя страсти, он в то же время старался укреплять душу свою молитвою, чтением душеполезных книг и переписыванием их то для своего монастыря, то для других церквей. Как драгоценный памятник его трудов долго хранилось в его обители Евагелие, написанное им в Сергиевом монастыре в 1506 году.

Такая примерная, труженическая жизнь и высокие добродетели не могли не обратить на него внимания братии и не могли не снискать ему всеобщей любви и уважения. Поэтому, когда в 1525 году игумен Порфирий отказался от управления монастырем, вся братия единогласно избрала Арсения на его место как самого достойного.

В сане игумена богатого монастыря Арсений не изменил своей любви к нищете и посту. Отечески заботясь о довольстве и успокоении братии, Арсений забывал о самом себе, встречая и принимая приходивших в монастырь князей и бояр в одежде, покрытой заплатами. «Что это значит, что игумен ваш ходит в такой худой одежде?»—спрашивал братию великий князь Василий Иванович, увидевший Арсения во время посещения обители едва ли не в рубище. «Наставник наш истинный раб Божий и живет в Боге; он думает только о том, как бы оставить нас и удалиться в пустыню на безмолвие»,—сказали в ответ братия и просили великого князя, чтобы он убедил Арсения остаться с ними. На что тот и согласился, постыдившись огорчить отказом высокопросителя, хотя и сильно желал удалиться в пустыню.

Однако уже в 1529 году преподобный Арсений смог покинуть монастырь и направил свой путь в северные леса. Он обошел много пустынных дебрей, ища себе удобного места и, наконец, руководимый Промыслом, достиг вологодской страны. Здесь, незадолго перед тем временем (около 1525 года), на расстоянии 40 верст к северо-западу от Вологды в верховьях малой речки Бабайки (Бабайка течет по мхам и болотам и впадает в речку Масляну—приток реки Вологды) явилась чудотворная ико-

на Божией Матери Одигитрии. Услышав об этом новом знаменнии милосердия Божия, преподобный Арсений пошел в то пустынное место, где явилась икона и, соорудив себе малую келью, стал подвизаться в ней в посте и молитве. Но после явления святой иконы сюда стали приходить во множестве богомольцы, а потому, побыв здесь некоторое время, Арсений оставил свою келью в основание будущей Масляной пустыни и снова пошел странствовать по болотам и дебрям Комельского леса.

Направившись от Масляной к юго-востоку, он пришел на нынешнее место Арсениево-Комельского монастыря, в так называемый Олонов конец Комельского леса, где сливаются реки Лежа и Кохтыш, в сорока верстах от города Вологды. Когда Арсений, утомленный ходьбой, сел на землю и стал думать о том, как бы найти место, удобное для жилища как вдруг неподдалску от него, близ реки Кохтыш блеснул солнечный луч и необыкновенный свет озарил всю окрестность. Приняв это явление за тайное указание Промысла Божия преподобный построил на месте явления света небольшую келью и начал подвизаться в ней в посте и молитве, дни проводя в труде а ночи в бдении.

Но крестьяне ходившие сюда то для рубки леса, то для звериной и рыбной ловли, сочли себе помехой уединенную келью пустытника, опасаясь, что со временем она разрастется в монастырское общежитие и овладеет окрестными землями. Чтобы изгнать его из пустыни и удержать за собой землю, они стали наносить преподобному различные обиды и притеснения. Однажды злые люди, пришедши в келью и не заставши в ней самого Арсения, убили жившего с ним келейного старца. Тогда он оставил Комельскую пустынь и удалился оттуда верст за 30 в дикий Шилегодский лес на речку Шингор. Здесь он стал подвизаться в посте и молитве, в совершенном безмолвнии и уединении. Но со временем келья Арсения сделалась известной, и один за другим стали приходить к нему для духовных бесед монахи и миряне. Старец всех принимал с отеческой любовью, поучал всем сердцем любить Господа, пролившего за нас кровь Свою на кресте, и ближних, как самих себя; некоторые из посетителей, желая постоянно иметь его своим наставником и руководителем в духовной жизни стали принимать от него пострижение и селиться близ его кельи. Арсений водрузил крест и построил часовню для общей молитвы. Таким образом, в дремучем Шилегодском лесу составилось братство любителей безмолвия и основалась пустыня, известная впоследствии под именем Александро-Коровиной, ставшей затем Троицкой пустынской церковью Грязовецкого уезда.

В 1538 году казанские татары неожиданно вторглись в Вологодские пределы, сжигая селения, а беззащитных жителей частью

грабя и убивая, частью уводя с собой в неволю. Ужас распространился в стране и жители, чтобы спастись от смерти, толпами бежали из селений в Шилегодский лес, где находилась пустыня преподобного думая найти себе защиту в неприступности места, удаленного от дорог. Варвары хотели было проникнуть и туда вслед за бежавшими жителями, но были удержаны Промыслом по молитвам человека Божия, так что все те, которые искали себе убежища в его пустыне, остались невредимы. Многие из жителей не захотели более возвратиться на пепелища своих жилищ и поселились со своими семействами близ келий отшельников. Тогда Арсению пришла мысль опять идти в Комельский лес на прежнее место и терпением одолеть препятствия. Когда он объявил о своем намерении жившим с ним пустынноикам, то нашелся между ними один, по имени Герасим, который не захотел разлучаться со своим наставником.

Еще в 1530 году великим князем выдана была преподобному Арсению жалованная грамота, которой строго запрещалось всем около пустыни его в Комельском лесу на речке Кохтыш во все стороны на две версты рубить лес, ставить новые поселения, заниматься звероловством и обращать в свое владение землю или лес. Но испытав после того столько притеснений и обид, Арсений решился снова идти в Москву искать защиты от своеволия грубых людей, и в 1539 году получил новую грамоту с большими правами и наделом земли уже на 5 верст.

Тогда, поручив управление Шилегодской пустыней одному из своих учеников, преподобный Арсений с Герасимом отправился в Комельский лес, водворился на прежнем своем месте и стал рубить лес, расчищать и готовить землю под поля и огороды будущей обители.

Когда сюда собралось несколько братьев, преподобный Арсений в том же 1539 году в основание обители испросил у преосвященного епископа Вологодского и Великопермского Алексия (1525—1542) благословения и святой антимины на построение церкви, чтобы иметь утешение постоянно совершать в ней божественную службу и причащаться Тела и Крови Христовой, долговременное лишение которых он считал величайшей и незаменимой потерей для души.

Церковь была построена и 2 мая 1541 года освящена преподобным во имя Положения Честныя Ризы Божией Матери во Влахерне. По освящении церкви преподобный Арсений приступил к прочим постройкам, необходимым для общежития, и обнес монастырь оградой.

Преподобный Арсений, горя любовью к преподобному Сергию Радонежскому, по своему обещанию посвятил его имени трапезную церковь. Но сам только благословил и положил нача-

ло ее построению, окончания же постройки не дождался. Достигнув мастистой старости и 45 лет проведя в иноческих подвигах, он почувствовал упадок телесных сил и, ожидая близкой кончины, отказался от управления монастырем. Ученика своего Герасима он благословил быть его строителем, а сам затворился в келье и начал готовиться к смерти. Приобщившись Святых Таин, он тихо и мирно предал дух свой Богу 24 августа 1550 года. С великой честью, плачем и слезами братия погребла блаженного отца своего близ алтаря построенного им храма, на правой стороне.

Вскоре по преставлении его Господь Бог прославил Своего угодника, и гроб его сделался источником исцелений. В рукописной книге «Служба и чудеса пр. Арсения», пожертвованной в монастырь в 1660 году, начиная с 7110 (1602) по 7165 (1675) год записано 17 чудес.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЛОГГИН КОРЯЖЕМСКИЙ

В первой половине XVI века в среде многочисленного братства Павло-Обнорского монастыря спасался инок Логгин. Он прибыл в монастырь в молодых годах, прошел длинный ряд различных послушаний, дожил до старческих лет и приобрел немалую опытность в иноческой жизни, так что стали смотреть на него как на старца испытанного, духовного и относиться к нему с особенным уважением.

Был у него друг и собеседник в Корнильевом монастыре— инок Симон уроженец Сольвычегодский, подобно ему старавшийся угодить Богу. Беседуя с Логгином, Симон часто вспоминал свою родину, где по его словам, было много мест весьма удобных для отшельнической безмолвной жизни. Стремление к отшельнической жизни усиливалось более и более в душах обоих друзей, их мысли чаще и чаще останавливались на жизни уединенной.

В конце концов они оставили свой монастырь и пошли искать себе для жительства такое место, где бы, не развлекаясь ничем, неведомо для людей всецело посвятить себя на служение Богу. Всего имения и богатства было с собой у Логгина только деревянное распятие которое дали ему в благословение от монастыря.

Спустившись водою от Вологды до Устюга, странники скоро достигли Сольвычегодска и на некоторое время остановились в тамошнем Борисоглебском монастыре. Но жажда пустыни стала здесь томить их еще сильнее и заставила снова отправиться в путь. Выйдя из города, странники пошли вверх по левому берегу реки Вычегды и, дойдя до устья речки Коряжемы, остановились на ее берегу в глухом лесу в 15 верстах от Сольвычегодска. Логгину понравилось это пустынное место и он решил навсегда тут остаться. Не противоречил тому и спутник его Симон.

Помолившись Богу, оба друга начали рубить лес и расчищать место, на котором общими силами построили сперва келью, а потом и часовню.

Блаженный Симон не долго пробыл вместе с Логгином на

устье Коряжемы; пособив старцу устроиться он оставил его и пошел далее вверх о Вычегде на речку Сойгу за 60 верст от Коряжемы. Логгин остался один и весь предался богомыслию, дни и ночи проводя в неустанных молитвах и псалмопении. Скоро весть о нем разнеслась по окрестности, и к нему стали приходиться люди, желавшие разделять с ним пустынные труды. Со временем первоначально построенная им часовня уже не могла вмещать в себе всех поселившихся с ним пустынников, и надобно было озаботиться построением молитвенного храма, более просторного. Преподобный Логгин построил храм во имя святителя Николая, трапезу и прочие необходимые для богослужения службы.

Приняв старейшинство над братию, преподобный Логгин старался превзойти всех подвижническими подвигами и, несмотря на преклонные лета свои всегда первый выходил на монастырские труды и более других работал для своей пустынной общины.

Блаженная кончина его последовала 10 февраля 7048 (1540) года при архиепископе Ростовском Досифее. Умирая, старец заповедал ученикам своим похоронить его при входе в храм у самого церковного крыльца, чтобы все идущие в церковь и из церкви попирали его могилу.

В 7173 (1665) году 9 мая вместо деревянной Никольской церкви, построенной преподобным Логгином по приказанию и на иждивение преосвященного Александра, епископа Вятского и Великопермского, заложена была каменная во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы с приделом во имя святителя Николая которая и освящена была лично преосвященным 9 февраля 1167 года накануне памяти преподобного Логгина. Место погребения преподобного Логгина пришлось теперь внутри церкви, при северной стене, и над ним устроена была гробница, украшенная позолоченной резьбой и покрытая пеленою с вышитым на ней изображением преподобного и сказанием о перенесении мощей его.

По случаю разобранья ветхой Благовещенской церкви рака преподобного Логгина 18 марта 1872 года была перенесена в теплую Спасскую церковь и поставлена близ северной ее стены за новым клиросом. Служба преподобному Логгину составлена в середине XVII века Александром, епископом Вятским и Великопермским.

ПРЕПОДОБНЫЙ СИМОН СОЙГИНСКИЙ

Преподобный Симон, сын Пикиты Тештюкова, одного из жителей Сольвычегодска, рано почувствовал в себе отвращение к мирской жизни и в молодых годах, оставив дом родителей, пришел в монастырь к преподобному Корнилию Комельскому, усердно прося себе пострижения. Прозорливый старец, склоняясь на неотступные просьбы и слезы юноши и провидя в нем истинного подвижника Божия, принял Симона, и после его пострижения в мантию поручил его одному опытному старцу. Симон всего себя посвятил тщательному исполнению его и подвигам поста и молитвы, стараясь во всем подражать своему великому наставнику. Более и более возрастая и укрепляясь в жизни духовной, Симон сделался примером для многих из братии и от всех заслужил себе уважение.

Задолго до кончины преподобного Корнилия Симон случайно познакомился с единоправным себе иноком соседнего Павлова монастыря Логгином и стал питать к нему братскую любовь, так как оба они стремились к одной цели.

Весной 1537 года преподобный Корнилий скончался. Вскоре после погребения старца Симон вместе с Логгином вышел из обители и направился к Сольвычегодску, надеясь там, среди неизмеримых и девственных лесов найти себе удобное для жительства место. Достигнув Сольвычегодска, странники остановились в Борисоглебском монастыре, где и пробыли некоторое время, но любовь к пустыне и уединению влекла их далее.

Выйдя из Борисоглебского монастыря, странники остановились в 15 верстах от города при устье речки Коряжемы. Преподобный Логгин решил поселиться на этом действительно прекрасном и удобном месте, а так как он был уже в летах преклонных и изнурен иноческими подвигами, то остался с ним и Симон, помогая ему устроить келью и часовню.

Прожив с Логгином некоторое время, преподобный Симон пошел далее вверх по Вычегде искать себе новое место для подвигов. В 60 верстах от Коряжемы на высоком и крутом берегу

Вычегды при устье речки Сойги, в дикой тогда пустыне, под сенью вековых деревьев он поставил себе малую келью и стал подвизаться в пей в совершенном уединении и безмолвии.

«Лета 7047 (1539) Сентября в 16 день, на память святых великомученицы Евфимии всехвальныя, пришел на устье реки Сойги, на плесо Вычегодское, на дикий лес игумен Симон, построженный и ученик Корнилиев, что на Комеле, и поставил церковь Преображения Спасова в лето 7048 (1540) Мая в 8 день, а священа та церковь в лето 7049 (1541) Мая в 17 день, при архиепископе Ростовском Досифее, а преставися игумен Симон в лето 7070 (1562) Ноября в 24 день, на память великомученицы Екатерины, при архиепископе Ростовском Никаноре и положен бысть в своем строении, идеже обитель созда Преображения Господня»,—говорит древняя летопись.

Как ни глухо и ни пустынно было место, избранное Симоном для своего уединения, скоро однако узнали о нем окрестные жители, и к нему стали собираться любители пустынного безмолвия, так что преподобный вынужден был переменить первоначальное свое намерение касательно уединенной жизни и, построив храм, принять начальство над образовавшейся обителью. Строгий постник и усердный молитвенник вел своих учеников к блаженной вечности примером собственной святой жизни. Двадцать лет преподобный Симон подвизался в своей обители, под конец жизни имел утешение слышать о чудесах и прославлении друга своего преподобного Логгина и сам, достигнув маститой старости, тихо и мирно скончался, оплаканный учениками.

В древних рукописных святцах XVII века преподобный Симон Сойгинский именуется новым чудотворцем. Память его совершается в день его преставления 24 ноября.

ПРЕПОДОБНЫЙ ХРИСТОФОР КОРЯЖЕМСКИЙ

В 1537 году, когда преподобный Логгин поселился при устье речки Коряжемы и стал принимать к себе учеников, желавших разделить с ним пустынные труды, блаженный Христофор был одним из первых его постриженников и сподвижников. Не дошло до нас никаких сведений о том, откуда он был родом, какого звания и в каком возрасте пришел в пустыню, но, принимая во внимание то, что он пришел к преподобному Логгину вскоре после его прибытия на Коряжему, о чем не могли знать жители дальних мест, надобно полагать, что он родом был или из Сольвычегодска, или из ближайших его окрестностей.

Недолго суждено было Христофору пользоваться наставлениями своего учителя. Преподобный Логгин, пришедший на Коряжему уже в преклонных годах, скоро преставился. Видя ученика своего еще недостигшем совершеннолетия иноческого и по собственному опыту зная, сколь необходимо и полезно для первоначальных иноков общежитие, он посоветовал своему ученику и по кончине своей оставаться в обители и быть в таком же послушании игумену, как и ему самому. Христофор исполнил заповедь учителя и еще десять лет подвизался в Коряжемской обители. По мере усовершенствования в иноческих подвигах в нем сильнее и сильнее стало развиваться стремление к уединению. Однажды он вышел из монастыря и поселился в лесу, в вершине речки малой Коряжемки, в 20 верстах к югу от монастыря. Здесь он стал подвизаться в совершенном безмолвии и уединении, часто целые дни и ночи проводя в молитве перед иконой Божией Матери Одигитрии, которой его благословили при выходе из монастыря и для которой он устроил близ своей кельи часовню.

Когда узнали о пустыннике окрестные жители, то стали приходить к нему один за другим и ставить кельи близ его хижины и просить от него пострижения. Многие из молившихся в часовне перед иконой Божией Матери получали исцеление от своих болезней; это еще более стало привлекать к пустыннику как бо-

гомольцев, так и желавших с ним сожительствовать, так что преподобный Христофор против воли своей должен был построить храм и принять начальство над составившеюся обителью. Около 7063 (1555) года церковь была освящена во имя иконы Божией Матери Одигитрии, исцеления от которой, по освящении церкви, стали получаться еще чаще.

Кроме этой чудотворной иконы в 150 сажнях от церкви открылся целебный источник из камня, что еще более прославило новую обитель, молва о которой достигла до самой Москвы. Царица Анастасия Романовна, услышав о чудесах от иконы Пресвятыя Богородицы и о целебном источнике, пожелала пользоваться его водой и, по приказанию царя Ивана Васильевича, преподобный Христофор должен был лично доставить ее ко двору. Велика была радость царя, когда царица получила облегчение от своей болезни, испив целебной водицы, и по-царски наградил он старца, дав достаточную сумму денег для устройства обители.

Но чрез это его обитель еще более сделалась известной и теряла характер пустыни, а блаженный Христофор только и думал о безмолвии и уединении. Поэтому, возвратившись в монастырь, чтобы не показаться ослушником воли царской, преподобный вскоре приступил к устройству обители и храма Пресвятыя Богородицы. По окончании же постройки он скрылся из обители.

Преподобный Христофор вышел из обители в 7080 (1572) году, но куда скрылся, когда и как скончался, осталось никому неизвестным.

СВЯТОЙ АНТОНИЙ, ЕПИСКОП ВОЛОГОДСКИЙ И ВЕЛИКОПЕРМСКИЙ

Когда преподобный Герасим основал (в 1528 г.) Свято-Троицкий Болдинский монастырь в 15 верстах от Дорогобужа, то слава о его подвигах и духовной опытности вскоре привлекла к нему множество учеников, желавших под его руководством проводить иноческую жизнь и достигать спасения своей души. Под конец жизни преподобного Герасима у него было до 140 человек братии, несмотря на бедность монастыря и строгость его устава. После блаженной кончины преподобного Герасима основанный им Болдинский монастырь долго еще славился строгостью жизни своих иноков, между которыми немало было подвижников добродетели, истинных рабов Божиих. Ближе всех по духу был инок Антоний. Откуда он был родом и какого происхождения—неизвестно. Известно только то, что Антоний был постриженник и любимейший ученик преподобного Герасима, он написал житие своего наставника, удостоен был сана священства еще при жизни и впоследствии достойно заменил его в сане игумена.

Своей отеческой заботливостью о благоустроении вверенного ему стада, кроткостью и любовью ко всем, незлобием и детской простотой сердца он не только привлек к себе сердца братии и служил для нее примером, но и вне монастыря широко распространялась слава о его подвигах и достигла царствующего града. Поэтому, когда вологодская архиерейская кафедра после епископа Варлаама I сделалась праздною, Антоний собором иерархов признан был достойным занять ее многого ради добродетельного жития своего.

Игумен Болдинский, избранный на вологодскую кафедру помимо всех других архимандритов, игуменов и настоятелей монастырей более славных и близких к Москве, был рукоположен в епископа митрополитом Дионисием 11 октября 1586 года и вскоре затем прибыл в Вологду и вступил в управление паствой.

Только два года и две недели продолжалось его управление Вологодской епархией. Но и в это непродолжительное время своими отеческими заботами о благе пасомых, тихостью нрава и кротостью обращения, радушием и милосердием к бедным он снискал у всех такую любовь и уважение, что кончина его для всех была величайшею потерей и несчастьем. На погребение его собрался весь град от мала до велика, мужеску полу и женска, и из такого множества народа не было ни одного человека, который бы не плакал о нем и не обливался слезами от горести.

Как истинный преемник служения апостольского, святой Антоний в последний год своей жизни обрадован был чудесным явлением иконы Божией Матери неподалеку от Вологды и последовавшем затем множеством чудес и исцелений. Он приказал на месте явления иконы воздвигнуть храм и устроить монастырь во славу и честь Богоматери.

В течение многих лет привыкнув не пропускать ни одной церковной службы, приближаясь к кончине, святитель особенно желал как можно чаще быть при богослужении и укреплять там свою душу. Поэтому он устроил у нового каменного Софийского собора предельны, храм св. Иоанна Крестителя, который к великой своей радости и освятил 1 октября 1588 года. Тогда же, по всей вероятности, перенесен им из великого деревянного собора в Софийский гроб епископа Киприана, единственного его предшественника, скончавшегося и погребенного в Вологде.

Вскоре после освящения храма святитель почувствовал в себе упадок сил и стал готовиться к смерти. Каждодневно он ходил в новоосвященный храм ко всем церковным службам и дома большую часть дня и ночи проводил в молитвах. Тихая, мирная, истинно блаженная кончина его последовала в 26 день октября со среды на четверг.

Более трех недель тело святителя не было предано земле пока для погребения его, по распоряжению Московского митрополита Иова, не прибыл из Ростова архиепископ Варлаам. Но и в столь продолжительное время оно нисколько не изменилось и не предалось тлению. Архиепископ Ростовский и Ярославский Варлаам с настоятелями ближайших к Вологде монастырей и со всем городским духовенством при бесчисленном множестве плачущего народа с величайшей честью предал земле тело святителя в Софийском соборе возле северной стены его на втором месте от дверей, 18 числа ноября.

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОСИЙ ТОТЕМСКИЙ

Соль земли тотемской, украшение и похвала Церкви преподобный Феодосий, любимый и почитаемый при жизни и еще более прославившийся по смерти, родился в Вологде в первой половине XVI века при князе Василии Ивановиче (1505—1533). Родители его были люди благочестивые по фамилии Суморины, но какого звания и состояния—неизвестно.

В XVI столетии окрестности Вологды наполнены были иноческими обителями, прославленными их святыми основателями, и многие из вологжан, привлекаемые к монашеству не одним только стремлением угодить Богу и спасти свою душу, но нередко желанием избежать гражданских повинностей, тягостей и забот житейских и проводить дни свои в покое и довольстве, уходили в монастыри и постригались там. Юноша Феодосий, хотя и склонен был к монашеству по своему природному характеру и воспитанию, не последовал однако примеру таких людей и, достигнув совершенных лет, вступил в брак, справедливо почитая повиновение родителям более приятным Богу, нежели небдуманные юношеские обеты иночества. Бог благословил его супружество, и вскоре он стал отцом дочери Марины, бывшей впоследствии в замужестве за одним из вологодских граждан. Однако любовь к супруге и дочери не охладила в нем любви к Богу, и супружество, соединенное с заботами как угодить жене, не было для него препятствием угождать Богу. Усердно посещая храм Божий, Феодосий старался всем сердцем погружаться в молитву. Привязанный узами брака к жизни семейной, мирской, он тем не менее постоянно стремился душой к высшему духовному совершенству. Со временем он принял твердое решение оставить мир и посвятить себя иноческой жизни, как только представится тому удобный случай.

Случай этот не замедлил представиться: родители его вскоре скончались и, отдав им свой последний долг, он стал свободен. Правда, и теперь еще оставались узы, привязывавшие его к миру,—его малолетняя дочь, нуждавшаяся в его отече-

ском попечении. Но он сумел склонить родственников взять ее на свое попечение.

Придя затем в Прилуцкий монастырь, он стал усердно просить у настоятеля иноческого пострижения. Прилуцкий игумен согласился исполнить его просьбу, он постриг его в мантию и поручил оптинскому старцу для усовершенствования в иноческих подвигах. Строгая подвижническая жизнь и усердные труды снискали Феодосию всеобщую любовь и уважение. Вследствие этого как самый верный и надежный из всей братии он был послан игуменом в Тотьму на соляной завод для присмотра за монастырскими варницами.

После продолжительной усердной молитвы при гробе преподобного Димитрия Прилуцкого, приняв благословение игумена, преподобный Феодосий отправился в путь, благополучно достиг Тотьмы и с великим усердием и старанием принялся за исполнение порученного ему дела. Сколь ни свята и ни богоугодна была его жизнь на заводе, как все ни хвалили и ни ублажали его, он сам не был доволен собою и предпочитал такой жизни монастырское безмолвие и уединение. «Монах вне ограды монастыря все равно что рыба вне воды»,—говорил он и потому чаще и чаще ему стала приходиться мысль или возвратиться в обитель или тут, близ завода, построить монастырь. Странствуя по окрестным местам, чтобы избрать место для построения обители, преподобный Феодосий пришел наконец на мыс, образуемый слиянием речек Ковды и Песьей-деньги. Ему полюбилось это прекрасное и возвышенное место, с двух сторон омываемое водой и огражденное высокими горами, покрытыми лесом. Место это принадлежало крестьянской вдове Марии Григорьевне Истоминой, которая, узнав о намерении старца построить на ней монастырь, охотно согласилась уступить его, и дала ему дарственную запись.

Получив благословение игумена Прилуцкого монастыря Арсения, Феодосий поставил крест на том месте, где затем был поставлен монастырь. Молитвою и водружением креста освятив избранное место, преподобный Феодосий устроил себе для жительства сперва небольшую кущу из древесных ветвей, а для зимнего же времени выкопал пещеру в земле. Вскоре он построил келью, так что все время у него проходило или в трудах, или в молитве. Жители Тотьмы и окрестных селений стали часто приходиться к нему и приносить все необходимое для жизни. Усердие их к старцу-подвижнику и желание иметь близ своего города иноческую обитель были так велики, что одни отдавали ему свои пай в варницах, другие—поля, пожни и разные уголья.

Видя такое усердие жителей, преподобный Феодосий посове-

товал им написать челобитную к царю о дозволении построить монастырь, на что те охотно согласились и в челобитной своей просили сделать Феодосия начальником обители. Преподобный Феодосий отправился с этой челобитной в 1554 году в Москву к царю и митрополиту и 20 февраля получил несудимую грамоту, которой царь дозволил ему строить храм и обитель на избранном месте и освободил новый монастырь от суда тотемского наместника. Митрополит Макарий приказал Ростовскому архиепископу Никандру, в ведении которого находилась тогда Тотьма, выдать Феодосию грамоту на построение храма и обители и снабдить его всем необходимым для освящения церкви. На обратном пути из Ростова преподобный Феодосий зашел в Прилуцкий монастырь в последний раз помолиться раке преподобного Димитрия и испросить его молитв на свое предприятие. От игумена монастыря он получил в благословение икону Божией Матери, ставшей известной впоследствии под именем Суморинской чудотворной.

По возвращении в Тотьму преподобный Феодосий немедленно приступил к построению обители и при содействии и помощи граждан в один год поставил деревянную церковь во имя Преображения Господня, трапезу, кельи для братии и другие необходимые для общежития службы и постройки. Вскоре его обитель наполнилась братиею, и хотя не имела еще земель и угодий, однако от расположения к ней окрестных жителей в ней во всем был достаток и изобилие. Чтобы обеспечить свой монастырь и на будущее время, преподобный Феодосий купил мельницу на Песьей-денье и лежавший против нее по берегу реки сенной покос, овин и гумно, а в 1555 году выпросил у царя другую грамоту, которою ему дозволялось иметь на тотемских солеварнях свои трубы и добываемую соль продавать без пошлины. Видя такие распорядительность и неутомимое трудолюбие преподобного, Ростовский владыка поручил ему возобновление запустевшей Ефремовой пустыни, находившейся в том же Тотемском уезде в займище Левонидовом на реке Реже. Феодосий возобновил ее и собрал братию.

Повседневных подвигов преподобного Феодосия не знал никто, даже близкие к нему люди. И только смерть преподобного приподняла несколько завесу тайны и открыла, что этот самопроизвольный мученик носил на себе тяжелые железные вериги, которые врезались в его тело, а под обыкновенной одеждой имел жесткую власяницу, до крови терзавшую тело. Преподобный же никогда не показывал вида, что страдает, всегда был ко всем одинаково радушен и приветлив. По своему смирению он не хотел принять на себя священного сана и,

будучи начальником и строителем двух монастырей, навсегда остался простым монахом-схимником.

Прожив в Тотемской обители 15 лет и предвидя близость своей кончины, преподобный Феодосий созвал свою братию и приказал написать духовное завещание о том, как управлять монастырем после его смерти. Духовная была написана 19 декабря, когда старец был еще на ногах. После праздника ему стало тяжелее, так что он уже не мог выходить из кельи. Тогда он снова собрал к себе всю братию и, возвестив им о скором разлучении с ними, преподавал последнее наставление, благословил и простился со всеми, обнимая и целуя каждого и у всех прося прощения и молитв. 28 января старец в полном сознании приобщился Святых Таин и, творя молитву, тихо скончался. Когда братия, по монашескому чину, приступили к омовению тела усопшего, тогда только с изумлением увидели, что на голом теле его под одеждой надета власяница и тяжелые железные вериги, уже врезавшиеся в его тело, о чем прежде никто из них не знал. Блаженная кончина преподобного Феодосия последовала в (7076) 1568 году 28 января при Ростовском архиепископе Корнилии. Святое и трудолюбивое тело его с великой честью и со многими слезами было погребено в созданном им монастыре.

В дальнейшем при гробе преподобного Феодосия стали происходить многие чудесные исцеления. Через это прославился и сам монастырь и число братии умножилось так, что одних иеромонахов бывало по 9, и настоятели монастыря были уже архимандриты. Император Петр I во время путешествия своего в Архангельск посетил (17 июля 1693 года) обитель Феодосьеву и возложил на изображение преподобного, находившееся в гробнице, янтарный образ распятия Христова с серебряной позолоченной цепочкой. В 1729 году была составлена служба преподобному Феодосию на память его преставления, и отправлялась по чиноположению не только в обители, но и в Тотьме, и во всей тамошней окрестности, хотя преподобный Феодосий и не был причислен к лику святых церковной властью до самого обретения мощей его, то есть до 1798 года. В 1844 году для большей чести и прославления преподобного Феодосия в монастыре его учреждена была архимандрия. В монастырской книге записано 146 чудес преподобного, но их было гораздо больше, поскольку записывались не все.

ПРЕПОДОБНЫЙ АГАПИТ МАРКУШЕВСКИЙ

Не много дошло до нас сведений об этом святом подвижнике и страдальце, но и теми мы обязаны довольно редкому и странному случаю. В 1712 году новопосвященный холмогорский епископ Варнава, отправившись из Москвы в свою епархию, от Вологды плыл на лодке по реке Сухоне. Когда же он достиг Березовой слободки, принужден был остановиться, так как в середине октября река начала замерзать и покрываться льдом. Чтобы дожидаться зимнего пути, переехал он со всей своей свитой из слободки в Маркушевский Никольский монастырь, находившийся в 15 верстах от Сухоны, и пробыл в нем три недели.

Расспрашивая о начале монастыря и достопамятных происшествиях в нем бывших, он узнал, что нет в том монастыре никакого описания и потому лицам из своей свиты он приказал пересмотреть монастырский архив и сколько возможно было на основании найденных грамот и разных записей монастырских составить описание жизни основателя монастыря и чудес, происходивших от принесенной им иконы святителя Николая.

Когда это было исполнено, преосвященный Варнава, рассмотрев рукопись, засвидетельствовал ее своей подписью.

Из этого описания видно, что преподобный Агапит несколько лет подвизался в Сольвычегодском Борисоглебском монастыре. Но откуда был родом, когда и где пострижен в монашество, и долго ли жил в Сольвычегодске, достоверно неизвестно, хотя и есть предание, что пострижен он был и полагал начало иноческих подвигов в Соловецком монастыре. Вероятно, он был постриженником святого Филиппа и вышел из Соловецкого монастыря после 1568 года.

Находясь в Борисоглебском монастыре, преподобный Агапит в 1576 году в марте месяце сделался тяжело болен и не вставал с постели почти целый месяц. В 27 день болезни, когда она усилилась уже до того, что Агапит потерял надежду на выздоровление, вдруг явилась ему икона святителя Николая и услышал он голос, приказывавший ему перенести ее в пустое место, на

речки Маркушу и Тарнагу, и построить там церковь и обитель иноческую. «Мне ли строить церковь и монастырь, когда я не могу встать с постели?»—подумал было Агапит и тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым. Изумленный и обрадованный, он пал на колени перед явившейся иконой и, обливаясь слезами, долго и пламенно молился и благодарил Бога и угодника Его святителя Николая за свое чудесное исцеление от болезни.

Когда Агапит занимался каким-либо делом, он снова слышал тот же голос, повелевающий перенести икону в назначенное ей место. И он поспешил отправиться в путь. Во время неблизкого путешествия из Сольвычегодска до Маркуши приходил Агапиту на мысль трудность его предприятия и начинал он сомневаться в успехе, два раза еще слышал тот же голос. Невидимый спутник как бы хотел показать тем свое присутствие и близость к Агапиту, рассеять его сомнения, ободрить и уверить в своей помощи. И смиренный путник всецело предал себя водительству Промысла Божия.

Достигнув назначенного места, усталый путник остановился на пустынном берегу речки Маркуши неподалеку от впадения ее в речку Тарнагу. Три раза устроивал он святую икону в разных местах по ту и другую сторону реки Маркуши, а на другой день находил ее на одном месте. Тут он построил сперва небольшую часовню для иконы и потом небольшую келью для себя и стал подвизаться в ней в непрестанных трудах, посте и молитвах.

Глухо и пустынно было тогда место, указанное для жительства Агапиту, непроходимые леса и болота отделяли его от селений, не было ни дорог, ни мостов и переходов через речки и ручьи. Лишь только узнали окрестные жители о пришествии и поселении его в их пустыне, как начали толпами приходить к нему, одни из любопытства, другие для поклонения принесенной им иконе святителя, иные для того чтобы получить благословение старца и посоветоваться с ним о спасении души. Явились и желающие с ним сожительствовать и разделить труды пустынные и доброхотные датели на сооружение церкви и обители. При их содействии Агапит того же лета 20 июля заложил холодную деревянную церковь во имя святителя Николая, а потом и другую, теплую,—в честь Благовещения Пресвятыя Богородицы с приделом во имя праведного Прокопия Устюжского. В 1578 году обе церкви были уже достроены и приготовлены к освящению и преподобный Агапит отправился в Москву, чтобы получить от митрополита Антония благословение на их освящение, выпросить у царя Василия Ивановича землю на содержание обители и дозволение выстроить на реке Лохте мельницу.

Получив просимое и от царя, и от митрополита, преподобный Агапит поспешил возвратиться в свою обитель и 7 сентября 1579 года освятил холодную Никольскую церковь. Он перенес в нее из часовни чудотворную икону святителя к великому утешению братии, плакавшей от радости. Вскоре затем освящена была и теплая Благовещенская церковь, на реке Лохте устроена мельница.

Таким образом, Агапитова пустынь, среди дремучих лесов возникшая из ничего, неусыпными трудами и распорядительностью своего строителя в течение трех лет устроилась так, как бы существовала целое столетие.

Однако не все окрестные жители любили и почитали преподобного, некоторые ненавидели и злобствовали на него. Завидно им было благосостояние и отличное хозяйство обители. Опасались они, что со временем все уголья и пустоши их отойдут к монастырю. Особенно недовольны были и злобствовали на преподобного жители деревни Камкино.

В 1585 году, уже в 8 лето пребывания преподобного Агапита на Маркуше, в мае отправился он на лошади на мельницу, находившуюся на реке Лохте, для исправления некоторых повреждений, причиненных весенним разливом, в сопровождении двух монастырских послушников Федора и Андрея. Узнав об этом, жители деревни подстерегли его и убили вместе с обоими его спутниками, а тела их бросили в реку Уфтюгу, полагая, что быстринию ее унесет тела. С этой целью убийцы сняли с тела преподобного и тяжелые его вериги и особо бросили в реку, чтобы тяжесть их не погрузила и не задержала тела.

Долго братия искали старца и его спутников, но нигде не могли найти, пока не пришли на берег реки Уфтюги и не увидели железных вериг преподобного Агапита, плавающих на одном месте подобно легкому дереву. Под ними нашли и все три тела убитых, хотя вода в Уфтюге в то время была еще велика и быстра. С горькими слезами и рыданием братья перенесли тела убиенных в обитель и с великой честью погребли преподобного Агапита среди монастыря, между созданными им церквями, и поставили над могилой его часовню, а вериги положили в его гробницу.

СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНЫЙ ПРОКОПИЙ УСЬЯНСКИЙ

В числе угодников Божиих, подвизавшихся в пределах страны Вологодской, много таких, место погребения которых неизвестно. Но есть один угодник Божий, нетленные мощи которого более 200 лет открыто почивали в церкви, источали чудеса и подавали исцеления всем, с верою к нему прибегавшим, и о месте рождения которого, образе жизни и месте кончины мы решительно ничего не знаем. Это праведный Прокопий Усьянский, почивавший в приходской Верюжской Введенской церкви Вельского уезда.

Редко можно встретить на Севере такую прекрасную и очаровательную местность, как «у Праведного». Дорога сюда проходит по самому берегу реки Усьи и далеко, за несколько верст до села, видны с нее сияющие главы и кресты церквей. Окружающие село деревни, то стоящие на возвышенностях, то спускающиеся на самые берега реки с их полями и лугами, опушенными кустарником, еще более разнообразят картину и дают ей самый красивый и оживленный вид, не уступающий видам Швейцарии.

До 1682 года местность эта принадлежала к Новгородской, а с этого года причислена к открывавшейся тогда Холмогорской, потом перешла к Великоустюжской и наконец к Вологодской епархии. В то время, когда она была еще в ведении Новгорода, но в каком именно году—неизвестно, близ приходской церкви Введения во храм Божией Матери явились (по древней рукописи: «земля издаде») мощи во гробе, сплетенном из лоз или ивовых прутьев. В то время мощи были целы и издавали приятный запах. Никто не знал, чье это было тело и не помнил такого человека, но чудесное его явление и последовавшее затем исцеление многих одержимых различными недугами тотчас же убедили всех в святости явившегося. Окрестные жители весьма обрадовались явлению мощей и, воздав хвалу и благодарение Бо-

гу за дарование им своего источника исцелений, построили над ним часовню.

Вскоре после этой святой явился одному земледельцу по имени Савелий Онтропов и велел сделать себе новый гроб. На вопрос Савелия, кто он, явившийся назвал себя Прокопием и объяснил, что он тот, тело которого недавно явилось при церкви. Савелий сделал гроб и когда хотел уже вести его к церкви, святой снова явился ему и приказал несколько его сверху убавить. Савелий, исполнив повеление, объявил народу о бывших ему явлениях святого, через что все узнали его имя и с великим благоговением переложили святые мощи его в новый гроб, который оказался таким, как бы сделан был по мерке, а ветхий гроб по пруткам разнес народ на память себе и в благословение. Много лет святые мощи почивали в часовне, а затем, когда вместо обветшалой Введенской церкви была построена новая деревянная церковь гораздо больших размеров, тогда и святые мощи перенесены были в нее из часовни и поставлены возле южной стены. Надобно полагать, что с того времени стали совершать ему и службу церковную по особой письменной книжке.

По перенесении мощей в церковь представилось больше удобств и возможностей священнослужителям замечать и записывать происходящие от них исцеления и с 1641 по 1750 год записано их 20 случаев. Все они записаны были с объявлений самих получивших исцеления, когда они, исполняя свои обеты, приходили в церковь для благодарения Богу и поклонения мощам святого угодника.

Память святому праведному Прокопию Устьянскому совершается 8 июля.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ МАЛОПИНЕЖСКИЙ

Преподобный Сергей, до монашества Симеон, родился в 1493 году в княжение Ивана III Васильевича. Отец его, Маркиан Стефанов Неклюд, был из рода митрополичьих десятильничьих новгородских боярских детей. Во время уничтожения великим князем новгородской вольницы он и сопровождавшие его слуги и многочисленные сограждане оставили родину и удалились на север России «в страну Студеного моря», на реку Пинегу, в волость малую Пинежку. Здесь молодой боярский сын вступил в брак с девицей по имени Аполлинария и так как «был навычен к книжному учению и грамоте», то сделан был сперва клириком, а потом и пресвитером в веси Сурской того же Малопинежского уезда. В старости благочестивые супруги вступили в монашество.

Сын Маркиана и Аполлинарии Симеон воспитан был родителями в строгом благочестии, с самых юных лет оказывал расположение ко всему божественному. Будучи уже тридцати лет от роду, он поставлен был пресвитером к новоустроенным в Малопинежской волости церквам — Преображения Господня и святого Великомученика Георгия, где проходил пастырское служение и назидал прихожан и словом, и делом 62 года. Это редкое по своей долговременности служение озаменовано было и апопостольским подвигом обращения ко Христу «некрещеной чуди», то есть многих оставшимися еще язычниками людей из этого народа. Продолжительная и святая жизнь достойного служителя Божия не могла не сопровождаться всеобщей известностью в окрестности и приобрела ему истинную любовь и уважение прихожан, которые едва ли не все при нем родились и состарились. И потому еще при жизни его «бе слава многа о нем ради добродетельного жития его».

В последний год своей жизни, чувствуя приближение смерти, он принял монашеское пострижение и облечен был в схиму от прибывшего тогда в тот край из г. Кевролы для сбора церковной дани Воскресенского игумена Иринарха с новым именем Сергей преставился 16 ноября 1585 года. По завещанию препо-

добного Сергия, тело его положено было подле алтаря Преображенской церкви.

Чудотворения не замедлили ознаменовать святость почившего пресвитера. Слух об этом и давняя всеобщая известность о святой и богоугодной жизни усопшего пресвитера стали привлекать к могиле его множество больных, которые по вере своей получали исцеления от различных недугов. В 1655 году было установлено «память преподобного Сергия праздновать месяца ноября в 16 день и образ подобия его написать».

ПРЕПОДОБНЫЙ ОНУФРИЙ КАТРОМСКИЙ

В «Истории Российской иерархии», списке Вологодских святых митрополита Евгения и описании Семигородной пустыни и упраздненного Катромского монастыря сказано, что монастырь тот основан преподобным Онуфрием, коего и мощи там почивали под спудом. Но когда преподобный жил и скончался — неизвестно. Из дошедших до нас письменных памятников видно, что Катромский монастырь существовал уже в начале XVI столетия, и что в 1532 году, когда князем Иваном Даниловичем Пенковым дано было монастырю 19 деревень и починков, преподобного основателя уже не было в живых. Кроме того о преподобном Онуфрии не сохранилось никаких других известий, хотя место погребения его всегда было известно, память его благоговейно почиталась в обители, и имя внесено было в святцы. Причиной того, без всякого сомнения, были пожары в монастыре, от которых не уцелели даже несудимые и жалованные на земли грамоты.

Так как Каменный монастырь, стоявший в XV веке на высоте совершенства иноческой жизни, был как бы колыбелью подвижников и рассадником основателей монастырей, да и других монастырей еще и не было тогда вблизи, то, вероятно, что и преподобный Онуфрий, подобно многим другим святым, был его постриженником и впоследствии вышел из него в непроходимую пустынь на берегу Катромского озера, избегая многолюдства своей обители, теснившейся на малом островке.

В 1764 году монастырь был закрыт, и церкви обращены в бесприходные с белым священником и причетниками. Прошло около 30 лет, когда вдруг забытая всеми уединенная могила преподобного основателя обители начала отовсюду привлекать к себе поклонников целыми тысячами. Имя преподобного Онуфрия стало переходить из уст в уста, и надгробная плита его сделалась источником исцелений. До 1834 года было записано 26 исцелений, а последнее исцеление, записанное в монастырской книге, значится под 1873 годом.